

Киреева Наталия Владимировна

"ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА" ВИКТОРА РЫЛЬСКОГО: В ПОИСКАХ СВОЕГО СЛОВА

В статье рассматриваются произведения Виктора Рыльского, написанные им в период становления творческой манеры и посвященные жизни амурской деревни. Затрагивается вопрос о соотносительности этих произведений с традициями советской "деревенской прозы", анализируются проблематика и жанровая специфика "деревенских" рассказов Рыльского, особенности персонажей и стиля. Делается вывод, что этот тип прозы стал для Рыльского творческой лабораторией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. II. С. 85-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются произведения Виктора Рыльского, написанные им в период становления творческой манеры и посвященные жизни амурской деревни. Затрагивается вопрос о соотносительности этих произведений с традициями советской «деревенской прозы», анализируются проблематика и жанровая специфика «деревенских» рассказов Рыльского, особенности персонажей и стиля. Делается вывод, что этот тип прозы стал для Рыльского творческой лабораторией.

Ключевые слова и фразы: Виктор Рыльский; «деревенская проза»; жанр; рассказ; история страны; персонаж; стиль; творческая лаборатория.

Киреева Наталия Владимировна, д. филол. н., профессор

Благовещенский государственный педагогический университет
stonerk@mail.ru

«ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» ВИКТОРА РЫЛЬСКОГО: В ПОИСКАХ СВОЕГО СЛОВА©

«Деревенская проза» – условное название для произведений 1950-1980-х гг., обращенных к нравственно-философским основам жизни в советской деревне [3; 5; 9]. Интерес к этому пласту литературы в современном литературоведении не утрачен, но все больше исследовательский фокус смещается с анализа авторов, составляющих литературный мейнстрим (Б. Можаев, В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Белов и др.) [6], на представителей региональной и национальной прозы [1].

В этом отношении интересно раннее творчество амурского прозаика Виктора Владимировича Рыльского. Именно тогда, в 1980-е годы, Рыльский апробирует возможности своего излюбленного жанра – рассказа, именно тогда формируются такие особенности прозы писателя как публицистичность стиля, меткость языковых характеристик, внятность гражданской позиции, ирония и самоирония.

В этот период автор активно ищет средства самовыражения, опираясь на традиции Н. Гоголя, А. Платонова, Ю. Казакова, Б. Можаева. Неслучайно на вопрос о своих учителях, уже будучи признанным писателем, Рыльский отвечал: «Есть недостижимые вершины – Николай Васильевич Гоголь. Русский гений. Я подчёркиваю. С украинской фамилией. Он писал на русском языке и находил его гораздо более способным передать ту иронию и сарказм, которыми в полной мере обладал Николай Васильевич. Андрей Платонов для меня был открытием, когда ещё не были опубликованы главные его произведения – «Жотлован», «Чевенгур» и «Ювенильное море». Есть превосходный рассказчик Юрий Казаков, равных которому во второй половине 20-го века я не вижу. Не могу не упомянуть и покойного Бориса Можаева, который своей рецензией к моей первой книжке, вышедшей в 1988 году, благословил меня в литературу» [8, с. 445].

Творческое усвоение опыта этих художников слова ощущается в произведениях Рыльского, посвящённых деревне. По мнению известного амурского писателя и редактора В. Лецика, «...сельские рассказы Рыльского – «Ж дядюшке», «Заспорили два мужика», «Днь да ночь» и другие – написаны прекрасным языком, они полны тепла и света, пронизаны юмором, порой грустным, в них есть боль за своих земляков-колхозничков, вынужденных терпеть не только житейские тяготы, но и кретинизм тогдашнего руководства – высокого и пониже» [4, с. 6].

С той же болью, но уже на другом историческом отрезке рассуждает автор о жизни современной деревни: «...мало восторга по отношению к нынешней деревне. Мы в своё время, деревенские мальчишки, легко поступали в столичные институты, мой земляк был личным пилотом министра обороны маршала Гречко. Мы становились мастерами спорта, руководителями отраслей, покоряли океаны. А всё происходящее с детьми и внуками моих одноклассников сегодня... Надо лить слёзы. Пять-шесть семей живут достойно, а в целом – всеобщее разорение, палёная водка, самогон... Жизнь стала омерзительной, безысходной. А пьют мои земляки крепко, зная, что могут отравиться и завтра утром не встать. Сколько их полегло на фронтах перестройки, не дожив до сорока. Русский драматург и философ Александр Васильевич Сухово-Кобылин писал в середине 19-го века: «Богом, правдою и совестью оставленная Россия, – куда идёшь ты в сопутствии твоих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников?!» Нет утешения, нет перспективы и нет ничего за этим. Деревню, в которой я рос, исхитрились вместе с людьми, техникой и животными продать в соседний Хабаровский край! Купивший её директор носит по иронии судьбы фамилию Чичиков. Бесподобная гримаса. Как тут Гоголя не вспомнить? Если судить состояние России по ситуации в деревне, приходишь к мысли: у нас есть великое прошлое, проблемное настоящее, а есть ли будущее?» [8, с. 445-446].

Но корни такого состояния современной деревни нужно искать именно в «великом прошлом». Этим прошлым для сегодняшнего читателя как раз и становятся «деревенские» рассказы 1980-х годов, погружающие нас в детали частной жизни и быта «маленьких людей» – своих современников, сквозь судьбы которых проступают контуры непростой истории огромной страны. Чтобы придать достоверность истории частной жизни и вписать её в судьбу страны, В. Рыльский активно использовал фактографический материал. Так, например, в рассказе «День да ночь» жизнь героини Анны зафиксирована в «альбоме с фотокарточками, газетными вырезками, грамотами» [7, с. 48]. И одновременно, наряду с документальными свидетельствами,

автор включал в текст своих произведений байки, исторические анекдоты. Такова, например, история встречи героя рассказа «Дядя Саша» со Сталиным, окучивающим картошку у себя на даче: «Доехал, значит. Прихожу куда следует. Мне говорят – нет его, на даче отдыхает. Хочешь – езжай сам, а мы не повезём, не велел беспокоить. Только не говори, что мы дорогу показали: крут характером. А я уже в капитанском кителе, меня сам чёрт не остановит. Еду, значит, на дачу. Там люди подсказали, где что. Прихожу, смотрю, едрёна корень, – картошку окучивает. Сам в галифе, шерстяные носки наверх заправлены, в тапочках и майке. Тяпкой машет, а трубку из зубов не выпускает...» [Там же, с. 78].

Свойственный писателю пристальный интерес к кризисным моментам истории и злободневным, острым вопросам современной жизни не в последнюю очередь объясняется образованием и профессией автора [2, с. 328]. Поэтому персонажи «деревенской прозы» Рыльского зорко фиксируют приметы неблагополучия на селе: смерть молодых («кто от водки сгорел, кто повесился, кто утонул»), повальное пьянство («пьют, пока рот открывается»), отношения между людьми («всё вроде есть, а люди злые, лаются»; «свадеб давно нету»); пренебрежение к людям труда («большой человек то ли с химизации, то ли с мелиорации» даже не подошёл к простым труженикам поздороваться).

В «деревенских» рассказах Рыльского много ярких, запоминающихся персонажей. Например, дед Рогожа из рассказа «День да ночь», напоминающий шолоховского деда Щукаря. Герой, сосланный на Дальний Восток как «подкулачник», не теряет творческого задора, ищет новые подходы к ведению хозяйства (обдумывает проект крокодиловой и кенгуриной ферм), рассказывает невероятные истории и пишет стихи на злобу дня.

Вот, например, стихи, посвященные случаю из жизни:

Петровка – село знаменито,
Мужикам не знаком покой.
Штук семнадцать столбов разбито
Налетевшей, стал быть, грозой.
Про столбы писали в газете.
Не столбов, мужиков мне жаль.
Задурённые славой этой,
Позабудут убрать урожай [7, с. 54].

В другом стихотворении дед Рогожа отразил народные чаяния:

Мы работать начнём без сбоев,
А потом заживём мы всласть.
Вот что значит – большие удои
И родная Советская власть [Там же, с. 68].

Персонажи Рыльского не поддаются однозначной оценке. Таков, например, дядя Саша из одноименного рассказа. С самого начала автор, описывая взгляды, которым провожали идущего по улице героя – «злые, насмешливые, равнодушные, сочувственные» [Там же, с. 76], – ставит перед читателем задачу: разобраться, кто же таков центральный персонаж этого рассказа? Мальчишкам он дарит «парусник, вырезанный из цельного куска дерева, катер из коры, якорь, спасательный круг, морских чудищ из корневищ» [Там же] и рассказывает занимательные истории. А отец рассказчика, узнав, что сын часто бывает у дяди Саши, называет последнего «ворюгой и уголовником», который «на сиротских слезах наживался» [Там же, с. 80]. Кодой рассказу служит упоминание о дереве, которое росло рядом с шалашом дяди Саши: «Со временем и оно рухнуло, а по ночам от него *шло свечение*, – это *светились гнилушки* (Выделено автором – Н. В.)» [Там же, с. 81]. Кем же был на самом деле персонаж, рассказчик так до конца и не понял. Задавая возрастную дистанцию, оглядываясь на детство с высоты прожитых лет («теперь, когда мне далеко за тридцать»), повествователь пытается ответить на эти вопросы, но завершает свои предположения фразой: «Кто знает?» [Там же], приглашая читателя задуматься над разгадкой характера героя.

Характерная черта творческой манеры Рыльского – склонность к эксперименту – также проявляется уже в «деревенских» рассказах. Особенно примечательным для ранней прозы писателя становится эксперимент с языком, направленный на создание комического эффекта. Например, герои Рыльского пишут стихи, в которых «Штук семнадцать столбов разбито / Налетевшей, стал быть, грозой» [Там же, с. 54] и воедино слиты «большие удои / И родная Советская власть» [Там же, с. 68].

Писатель включает в повествование байки, частушки, анекдоты сродни уже упоминавшемуся из рассказа «Дядя Саша» – о встрече со Сталиным, где мифологизированные детали облика «отца народов» (крутой характер, галифе, трубка) соединяются с другим архетипическим для советского человека образом – образом дачи («великий кормчий» у Рыльского «в тапочках и майке» «картошку окучивает» и «тяпкой машет» [Там же, с. 78]).

Часто комическому эффекту способствует соединение несоединимого, как в рассказе «Заспорили два мужика», где в сцене встречи героя Дмитрия Поповника с духом его умершего односельчанина церковнославянизмы соседствуют со снижено-бытовой лексикой: «Отвернул глаза – в углу стоит кто-то. В белом балахоне с головы до пят. В руках свеча и смотрит на Дмитрия внимательно.

- Бр-р-р, – мотнул Дмитрий головой. Хотел рукой ко лбу потянуться, рука не поднялась.
- Прости, Дмитрий, за неурочный час. Но благодать твоя во мне не была тщетна.
- Ё-моё, да это ж Венька! Ничё себе. Что это он мелет? Как сюда попал?..
- Не со злом пришёл, а с благодатью.

Говорит, а пламя от свечи не колышется, и слышно, как в подполе мыши шуруют. Зря сапоги старые туда поскидал. Погрызут, сволочи. А кот, подлюка, на крыше прохладается...

– О мирском заботы твои, Дмитрий. Всякий поспешает прежде других есть пищу свою. Отринь суету, о спасении души думай.

Где научился так, чертило? Раньше всё на матах, – занервничал Поповник.

– Не поминай лукавого, не оскверняй язык.

Да он ещё и мысли читает!» [Там же, с. 39].

Впоследствии этот эксперимент с языком будет продолжен и дополнен Виктором Рыльским экспериментами с композицией, стилем, жанром. Но именно «деревенские» рассказы станут для писателя той творческой лабораторией, в которой усваивался опыт непосредственных предшественников (писателей-деревенщиков) и классиков литературы, в которой велся поиск собственной манеры, интонации и жанра.

Список литературы

1. Карабанова Н. В., Маскаева С. Н., Швечкова Н. И. Герой «деревенской прозы» 1980-1990-х годов в русской и мордовской литературе: сравнительно-сопоставительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. Ч. 2. С. 79-81.
2. Киреева Н. В. Рыльский Виктор Владимирович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX-XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 328-331.
3. Кузнецов Ф. Ф. Самая кровная связь: судьба деревни в современной прозе. М.: Просвещение, 1987. 345 с.
4. Лецик В. Г. В поиске постоянных величин: предисловие // Рыльский В. Жизнь в эпоху перемен. М.: ИРИСБУК, 2012. С. 5-8.
5. Минокин М. В. Современная советская проза о колхозной деревне. М.: Просвещение, 1977. 142 с.
6. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / пер. И. Чеканниковой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 204 с.
7. Рыльский В. Жизнь в эпоху перемен. М.: ИРИСБУК, 2012. 448 с.
8. Рыльский В. «Я бегун на короткие дистанции» // Рыльский В. Жизнь в эпоху перемен. М.: ИРИСБУК, 2012. С. 440-446.
9. Цветов Г. А. Тема деревни в современной советской прозе. Л.: Знание, 1985. 32 с.

“VILLAGE PROSE” OF VICTOR RYLSKY: IN SEARCH FOR HIS OWN WORD

Kireeva Nataliya Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor
Blagoveschensk State Pedagogical University
stonerk@mail.ru

The article considers the works of Victor Rylsky, written in the period of creative manner formation and devoted to the life of the Amur village. The author touches upon the question of these works relatedness with the traditions of the Soviet “village prose”, analyzes the problematics and genre specificity of Rylsky’s “village” stories, and the features of characters and a style. It is concluded that this type of prose was a kind of a creative laboratory for Rylsky.

Key words and phrases: Victor Rylsky; “village prose”; genre; story; history of country; character; style; creative laboratory.

УДК 811.612.91

Филологические науки

Статья посвящена описанию выражения эмоций во вьетнамском языке. На материале текстов вьетнамских художественных произведений и художественных фильмов проанализирована частотность выражения базовых эмоций, описаны различные вербальные и невербальные средства, с помощью которых говорящие выражают эмоции. Выявлены предпочтительные средства выражения эмоций «гнев», «удивление», «печаль», «радость». В данной работе впервые представлено подобное описание эмоций во вьетнамском языке, что отличает проведенное исследование от других современных разработок в рамках этнолингвистической эмотиологии.

Ключевые слова и фразы: вьетнамский язык; эмоция; этнолингвистическая эмотиология; базовые эмоции; вербальные средства; лексика; синтаксис.

Коновалова Юлия Олеговна, к. филол. н.

Ван Фам Тхи

Владивостокский государственный университет
yuliya.konovalova@vvsu.ru; vanpham@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ©

Современная лингвистическая наука, характеризующаяся междисциплинарностью, делает особый акцент на изучении фактов языка в их связи с говорящим субъектом – носителем языка с его комплексом социальных и